

3. ЗРИТЕЛЬ ЖДЕТ

Откуда появился джаз?

Я поехал за границу и там услышал джаз. Там джаз — танцевальный оркестр, а если он иногда и бывает концертным номером, то подается в своем первоначальном, не театрализованном виде. Я вспомнил свой хор и решил попытаться совместить весь юмор и забавность, свойственные комическому хору, с музыкой джаза. Ведь тут я мог унять двух зайцев. С одной стороны — использовать мою давнюю мечту о музыке, с другой — дать веселое и забавное зрелище.

И вот — появился первый номер джаза. Передо мной книга вырезов и рецензий о джазе. Первая рецензия об этом номере была помещена в «Смене». Это была исключительно положительная рецензия, где номер признавался очень удачным, нужным и ярким. Единственное «но» было в пожелании найти нужных репертуар и материал, созвучный нашей эпохе. И еще было много рецензий положительного характера.

В поисках нужного материала я находился в течение года. Наконец, я нашел, как мне казалось, новую форму. Это был номер «Джаз на повороте». Три рапсодии на национальные темы и одна советская. И вот тут-то начали сыпаться проклятия.

Сделал ли я ошибку? Или может быть здесь была ошибка «завсидящих» записчиков из РАИМа? Сколько споров и дискуссий пришлось выдержать по вопросам джаза вообще и «джаза на повороте». Считаю нужным все же заметить, что хотя «Джаз на повороте» и явился поворотным моментом в развитии моего творчества, тем не менее он является наиболее слабым местом моего джаза и играет роль переходного этапа. В частности, товарища из РАИМа ничего, кроме своей продукции, кстати сказать весьма бедной, предложить не могли. Они ничего, кроме своей продукции слушать не хотели.

ЦК партии в постановлении от 23 апреля указал на рапсовские ошибки. И вот тут-то все думали: «ну теперь Утесов разразится фокстротами и чарльстодами». Но как будто их постигло разочарование.

Дальше появляется «Музыкальный магазин». Но в нем нет фокстрота и чарльстона.

Откуда взялся «Музыкальный магазин»? Если внимательно к нему присмотреться, то станет ясным, что он состоит из трех основных элементов — это водевиль с переоденением вместо дебюта, это комический хор с его гротесковыми образами и это джаз в его специфических звучаниях и музыкальных возможностях. «Музыкальный магазин» — номер, по моему мнению, несомненно удачный. Он смешон, он музыкален и до некоторой степени сатиричен. Мне кажется, что это новая форма музыкального водевиля, которую следует всерьез углублять и разрабатывать.

В чем отрицательные стороны моей работы? В том, что я работаю один, в том, что у меня нет достаточной поддержки со стороны общественности и мне приходится самому выдумывать и самому ставить, и самому играть. Эстрадники, вообще, находясь в чрезвычайно тяжелых условиях. Эстрада до сих пор была падчерицей общественности и вот эту-то падчерицу всегда шлепали больше, чем родную дочку.

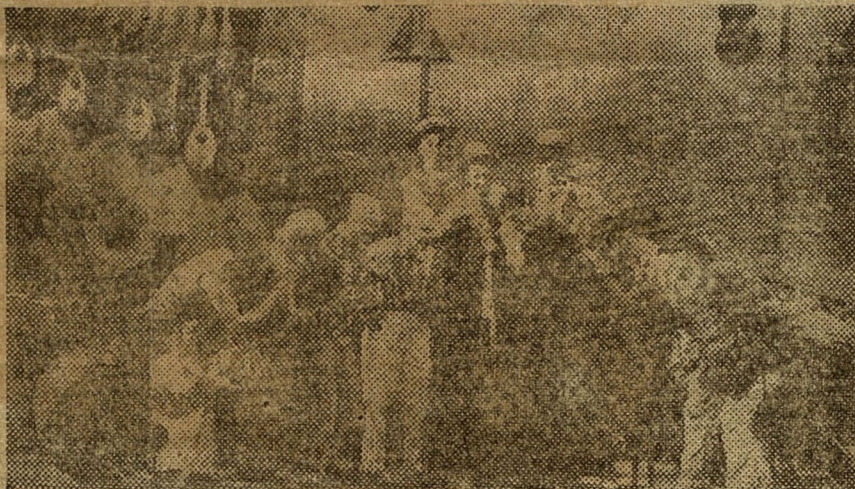
Сегодня мы заканчиваем печатание записок Л. Утесова.

Этими записками мы положили начало привлечению внимания общественности к вопросам эстрады, деятельности артистов — представителей этого жанра.

Л. Утесов в своих записках затронул ряд вопросов, связанных с борьбой за советскую эстраду, культурным актера, поднимавшего свои выступления на высокий идейный уровень, актера, овладевшего мастерством лучших представителей эстрады.

Ряд положений, выдвинутых тов.

В театре так ведь бывает... Когда театр делает ошибку, его ругают все-таки с некоторым уважением, несмотря на то, что театру помогают и общественность, и режиссер, и художники. Стоит эстраднику сделать промах, его строят, не стесняясь терминами и прилагательными. Правильно ли это? В моем одиночестве я искал помощи у критиков, но не находил. Рецензенты отделивались общими фразами и никакими конкретными предложениями и указаний дать не могли.

Тед-джаз Утесова.

Мне удалось организовать группу людей, со мной работающих. Это талантливые композитор П. Л. Дунаевский, молодой режиссер А. Г. Ариольд и молодой ансамбль музыкантов.

Но сейчас общественность начинает ко мне относиться внимательнее. То исключительно отношение, которое проявлено ко мне в последнее время особенно со стороны молодежи, за-

Утесовым требует детального обсуждения.

Начиная борьбу за эстраду, достойную нашей эпохи, мы призываем всех ее работников высказаться по принципиальным вопросам их художественной деятельности, сообщить о всех трудностях и преградах, которые стоят на пути большого искусства большевизма.

Не ограничиваясь этим, редакция создает бригаду для длительной работы в ГОМЭЦе, по вопросам, связанным с поднятием идейного и художественного качества эстрадного искусства.

ставляет меня думать, что в дальнейшей моей работе мне будет оказана нужная помощь. Я хочу этой помощи, я жажду ее...

Помощь приходит своевременно, потому что положение эстрады тяжело. Причин тому очень много и первая это сами эстрадники. У многих эстрадников, к сожалению, очень низкий культурный уровень, как общий, так и политический. Наблюдается некоторая лень. Эстрада порой не любит искать и этим объясняется однообразие жанров. Сделал, скажем,

ного человека, то обычно из так называемого «большого искусства» и этот человек, не понимая и не учитывая специфики жанра, заскушит и отключит номер. Получается «скумота немислмая».

И все-таки, несмотря на все эти неполадки, если сравнить нашу эстраду с эстрадой европейской, то она являет собой величайшее достижение культуры. Все-таки наш эстрадник овладел тематикой. Мне пришлось видеть лучшего французского разговорника Мориса Шевалье. В Париже его называют кидолом Франции. Что же делает этот идиот? Из шести спетых им номеров, все шесть были о женском бюсте. Если перевести на нашу эстраду европейских разговорников, то примут как пародию на русскую дореволюционную эстраду.

Как я работаю? Раньше всего — головой. Я месяцами обдумываю номер, не сплю многие ночи. Рассказываю близким и знакомым задуманные мной положения и моменты, наблюдаю какое это производит на них впечатление, и, исходя из этого, начинаю строить номер. Дальше идет работа с авторами и композитором Дунаевским, которым я буквально дышать не даю. Но пока я срываюсь с кровати, бегая по комнате, записывая пришедшие в голову мысли о плане постановки.

Затем начинается работа с моими «ребятами». Это не легко. Надо научить людей, никогда не разговаривавших на сцене, говорить и двигаться. Я пускаюсь на всевозможные уловки. Это целая система, рассказ о которой занял бы слишком много места.

Над собой приходится тоже очень много работать. Если мне надо играть англичанина, то я подслушаю, как разговаривает какой-нибудь эдакий иностранец, и в течение месяца дома, на улице, даже в магазине буду разговаривать с английским акцентом. Это дает мне возможность не только проводить роль в необходимом плане, но и сказать все, что мне понадобится, с нужным акцентом. Таким образом, я усвоил все европейские и некоторые восточные акценты.

Самое главное в работе активна над собой — читать, читать и читать. И я читаю. Читаю очень много. Специальные ли это книги по искусству беллетристика, ли, политическая ли книга, — я глотаю ее, глотаю с остервенением.

Чего же я могу пожелать эстраде и эстрадникам? Приобретайте культуру, мыслите, ищите, не плетитесь в хвосте общественной мысли, укрепляйте свое мастерство, ройтесь кропотливо в советской литературе и вы найдете нужный вам материал. Вы дадите зрителю нужную и полезную продукцию. Пора, пора!

Внимание, которое уделяет сейчас «Смена» вопросам борьбы за советскую эстраду, даст решительный толчок к поднятию идейного и художественного качества этого вида искусства.

Я уверен, что весь актерский и руководящий состав наших театров окажет выездной редакцией «Смены» в ГОМЭЦе исключительную помощь и содействие.

*) Окончание. См. «Смену» от 27 и 28 ноября сего года.